

На скалах Долины Разбитых Душ не росла ни одна травинка, не шевелился ни один лист, не слышалось ни единого звука живого существа, будто само пространство здесь было выжжено древним проклятием, лишено не только жизненной силы, но и права на воспоминание о жизни; обычные люди сторонились этих утёсов, как отвергают сон, полный кошмаров, ведь одно лишь приближение к краю вызывало головокружение и ощущение неминуемой гибели, а культиваторы, знавшие, что в этом месте истинная энергия рассеивается, как дым на ветру, меридианы замедляются, словно в ледяной воде, а дух теряет опору, старались обходить это место за тысячу ли, потому что здесь не было пути, не было ци, не было даже надежды - только вечное заточение для тех, кого небо решило забыть.

И потому бегство Чанькуня Чжуоюя и Ли Синлуна из этой бездонной ловушки прошло совершенно тихо, без световых вспышек, без грохота раскалённых камней, без триумфального взлёта под взглядами тысяч изумлённых мастеров, никакого из тех великих сценариев, которые так живо рисовал в своём воображении Чанькунь Чжуоюй, где он, едва выбравшись, одним ударом рассекает гору, взлетает к небесам, врывается в самую сердцевину битвы, и его появление мгновенно обращает ход сражения, заставляя врагов бежать, а верных последователей падать ниц со слезами на глазах, провозглашая имя своего повелителя, которое должно навеки врезаться в летописи мира культивации.

В реальности всё было куда прозаичнее и лишено пафоса: Чанькунь Чжуоюй, собрав последние силы, пробил узкий проход сквозь барьер, используя деревянный меч как проводник, направляя через него остатки божественной силы, а Ли Синлунь, воспользовавшись кратким проникновением истинной энергии неба и земли, подхватил его и, опираясь на последние капли ци, взмыл к вершине, преодолевая сопротивление пространства, будто вырывая себя из рук могилы; они выбрались живыми и целыми, но без свидетелей, без славы, без единого живого существа, чтобы стало свидетелем их чудесного спасения.

Ли Синлунь поставил Чанькуня Чжуоюя на выжженную землю вершины, где не было ни птицы, ни ветра, ни шороха листа, лишь пустое небо да бескрайняя степь, и тут же рухнул на спину, раскинув руки и ноги, как упавшая звезда, чувствуя, как каждая клетка тела благодарит за то, что он ещё жив, что сердце бьётся, что небо над ним - свободное, что воздух, которым он дышит, больше не наполнен давлением древнего барьера, и что он, наконец, стоит на земле, которая принадлежит миру живых.

Но Чанькунь Чжуоюй был глубоко, по-настоящему недоволен, и когда он смотрел в пустое небо, в его голосе звучала обида бога, преданного своими поклонниками:— Мы выбрались из Долины Разбитых Душ! Это, возможно, первый случай с времён Божественной войны, когда кто-то вышел оттуда живым. Такое событие реже, чем успешное преодоление испытания Вознесения. Где же все? Где барабаны, где фейерверки, где толпы, готовые пасть ниц перед моим величием? Почему никто не ждал меня с факелами и песнями? Разве мир не должен знать, что я вернулся?

Он глубоко вздохнул, протяжно и меланхолично, как герой, чья судьба обречена на одиночество:— Ах... мир пришёл в упадок, сердца людей остыли. Мои верные последователи ... такая неблагодарность! Ни один даже не попытался прийти сюда, не искал меня столетиями. Я не требую, чтобы все собрались здесь, но хотя бы один, один истинно преданный должен был поставить лагерь, жить на сухом хлебе, сторожить эту пропасть, пока однажды из неё не взметнётся радужный свет и тогда он бросился бы ко мне со слезами, упал в ноги, схватил за

колени и стал рыдать: «Как тяжело было без тебя, Учитель! Как мы скучали!» - вот так должно быть!

Ли Синлунь, всё ещё лёжа на земле, медленно повернул голову и, не открывая глаз, произнёс с усталой серьёзностью:— У меня к тебе только одна просьба. Перед другими говори как можно меньше. Если уж говоришь, то максимум слово-два. Движения делай плавные. Кивай чуть-чуть, еле заметно. И никогда, НИКОГДА не ешь при людях. Это полностью разрушает образ бессмертного, которого ты так старательно создаёшь.

Чанькунь Чжуоюй удивлённо распахнул глаза, как ребёнок, которому запретили играть с любимой игрушкой:— Почему?

— Разве ты не хочешь взять меня в ученики? — Ли Синлунь поднял голову, взгляд его стал твёрдым, почти холодным. — Когда я выбираю себе учителя, у меня есть критерии. Слишком слаб - не подходит. Слишком глуп - тем более. Ты... выбрался из долины, так что с силой у тебя всё в порядке, но с умом... проблемы. Пока ты не вспомнишь своё прошлое, тебе нужно держать себя в узде. Не то чтобы я сомневался в тебе, но если ты будешь болтать о своих сказочных приключениях перед первым встречным, нас быстро найдут те, кто хотел меня уничтожить ... и тебя тоже.

Чанькунь Чжуоюй задумался, потом кивнул с видом человека, внезапно осознавшего важность высокой миссии:— Логично. Раз я хочу тебя в ученики, должен соответствовать твоим требованиям к учителю.

Услышав такое покорное согласие, Ли Синлунь внутренне вытер холодный пот. К счастью, этот человек легко поддаётся влиянию, иначе, если бы другие узнали, как он простодушен, как легко его обмануть, начал бы кто-нибудь с полувыдуманной истории, и он уже через час добровольно отдал бы свою душу, чтобы её переплавили в боевой артефакт, с улыбкой говоря: «Рад помочь!» ... и тогда конец всем его фантазиям о славе и верных последователях.

Да, он уже принял решение. Он будет идти с Чанькунем Чжуоюем. Не только потому, что его собственная сила слишком мала, и ему нужен щит, нужен тот, кто сможет защитить его, когда враги вновь появятся из тени. Но и потому, что этот человек слишком лёгкая добыча для любого, кто захочет использовать его. Ему нельзя доверять самого себя. Он может стать как оружием, так и приманкой, и лучше, чтобы этим оружием владел тот, кто знает цену мести.

Место было пустынным, идеальным для восстановления. Ли Синлунь сел в позу лотоса, медленно стабилизируя энергию в теле, разрушенную напряжением противостояния божественной силе, чувствуя, как каждый меридиан ноет от перенапряжения, как основа его культивации едва держится, будто хрупкий сосуд после долгого мороза; он едва не потерял основу, едва не разрушил свои пути ци, пытаясь вырваться. А рядом с ним сидел Чанькунь Чжуоюй, тот, кто бросил вызов всей мощи долины, и казался совершенно спокойным, будто только что вернулся с прогулки, дыхание его не сбилось, лицо не побледнело, и даже в глазах не было следа усталости.

После тридцати шести кругов циркуляции истинной энергии, когда его внутренний баланс был восстановлен, Ли Синлунь открыл глаза и увидел, как Чанькунь Чжуоюй, присев на корточки, с искренним интересом наблюдает за муравьями, которые переселяются в новое гнездо, их маленькие тельца несут крошечные кусочки пищи, карабкаются по камням, строят новый дом в трещине скалы. Когда один из них с трудом тащил особенно крупный кусочек, Чанькунь Чжуоюй даже выпустил тончайшую нить ци, чтобы облегчить ему путь. Сделал он это настолько аккуратно, что муравей не почувствовал ничего, лишь внезапно понял, что груз стал легче, и благополучно доставил его в новый дом.

Ли Синлунь замер. Такой контроль над энергией был ужасающим. Мастер может расколоть горы, сдвинуть реки, но чтобы с точностью до волоска направить ци, чтобы помочь муравью, не повредив его и не нарушая хрупкого мира вокруг - это было за гранью обычного мастерства. Это было божественно. Обычный человек не может гарантировать, что не раздавит муравья, ступая по земле. А культиватор с такой силой и то способен случайно сжечь его одним дыханием. А он использовал ци, чтобы помогать муравьям переселяться?

Внутри Ли Синлуна возник ком, но не зависти, не страха, а странного, тяжёлого беспокойства. Он ещё больше забеспокоился за будущее Чанькуня Чжуоюя. Тот постоянно заявлял, что был важной персоной, окруженной верными последователями, и, возможно, это не просто бред. Даже потеряв память, человек сохраняет отпечатки своей сути. Значит, он действительно был кем-то великим. И скорее всего ... его предали. Именно те самые «верные», которых он так ждёт. Именно они могли бросить его в эту пропасть, чтобы занять его место, украсть его силу, стереть его имя.

И теперь Ли Синлунь должен был беспокоиться не за себя, ведь его враги считают его мёртвым, и он может двигаться в тени, плести свою месть, как паук в углу. А за Чанькуня Чжуоюя. Если его узнают - он не станет бежать. Он, счастливый, как ребёнок, бросится им в объятия, и они снова затянут его в ловушку, и на этот раз, возможно, уже не выпустят.

— Учитель, — произнёс он устало, — ты закончил?

Чанькунь Чжуоюй торжественно встал, закончив наблюдение за переселением:

— Да. Я всё это время охранял тебя. Теперь, когда ты восстановился, и я завершил свою задачу.

Ли Синлунь едва сдержал гримасу.

— Тогда идём. Оставаться здесь нельзя. Мне нужно отомстить, а тебе вспомнить прошлое. Лучше вернуться в мир культивации.

— Отмстить? — Чанькунь Чжуоюй нахмурился, впервые услышав об этом. — У тебя глубокая кровная вражда?

Он задал вопрос без подтекста, без любопытства, а с искренней, почти детской заботой. И потому Ли Синлунь не стал скрывать. Он коротко рассказал ему о семье, о ночи бойни, о тех, кого больше нет. Голос его оставался ровным, ни капли ностальгии по прошлой жизни, ни ярости по поводу смерти близких не звучало в нем. Будто он рассказывал чужую, давнюю историю.

— Вот и всё, — закончил он. — Я несу море крови, но не знаю, кто мой враг и насколько он силен. Сам я нахожусь лишь на уровне формирования основы. Месть - дело нелёгкое. Принимать меня в ученики не выгодно. К счастью, в этом мире ученики не могут предать школу, но мастера могут прогнать учеников. Если сочтёшь меня обузой, то просто изгони.

— Никак нет! — тут же возразил Чанькунь Чжуоюй, и в его голосе зазвучала такая решимость, будто он принимал священный обет. — Без тебя кто будет подавать чай? Кто собирать дикие плоды? А раз ты в опасности, я не могу оставить тебя одного в мире культивации. Учитель обязан защищать своего ученика.

Ли Синлунь проверял его. Но услышав такой честный, прямой, даже наивный ответ, уголки его губ дрогнули, и постепенно на лице появилась тень редкой, тёплой и почти человеческой улыбки.

— В таком случае, Учитель, не брезгуй иметь ученика, такого как я, — сказал он, сложив руки и поклонившись по-настоящему, с искренним почтением.

— Как же я, такой великий мастер, испугаюсь долгов? — Чанькунь Чжуоюй наклонился к нему, понизив голос, будто делился тайной века. — Слушай, я уверен, что у меня где-то есть сокровищница. С моей силой, конечно, я накопил бесчисленные редкости, божественные артефакты, чудодейственные пилюли. Как только вспомню, то мы отправимся за ними. Такому, как я, это не нужно и всё достанется тебе. Ты быстро продвинешься в культивации и сможешь лично убить своих врагов. А если не сможешь, то не бойся. У тебя есть я!

Ли Синлунь: ...

Хорошо, что он по натуре был хладнокровен и не склонен к мечтам, иначе мог бы начать верить в этот бред.

— Учитель, может, сначала займёмся изменением внешности? — сказал он, переводя тему. — Мои враги считают меня мёртвым. Я не могу допустить, чтобы они узнали, что я жив. А ты... ты такой сильный. Мы обязательно станем знаменитыми. Значит, нельзя показываться посторонним на глаза. Нужны пилюли перемен лица. Что касается тебя...

Подумав о том, как он мечтает, чтобы его узнали верные последователи, Ли Синлунь мягко добавил:

— И тебе стоит изменить лицо. Подумай, что если даже если они смогут узнать тебя с новым

лицом ... это будет настоящая верность.

— Логично, — кивнул Чанькунь Чжуоюй. — Именно так я и думал.

— Правда? А как именно?

— Ученик, я всегда чувствовал... — он провёл рукой по лицу, задумчиво, будто ощупывал чужую маску, — что раньше я выглядел иначе. Может, чтобы пережить смертельное испытание и стереть память, мне пришлось полностью переродиться?

— ...Даже если так, лучше перестраховаться.

— Нет! — решительно отказался Чанькунь Чжуоюй. — Я должен был быть самым красивым мужчиной в мире культивации. Как я могу скрыть эту элегантность, эту благодать, ради каких-то подозрительных врагов?

Ли Синлунь: ...Ладно. Главное ... чтобы тебе было хорошо.

Пусть Чанькунь Чжуоюй и был совершенно ненадёжным, одно качество у него было настоящее - его смутные предчувствия почти всегда оказывались правдой. Как тогда, когда он сказал, что они выберутся. И они выбрались.

И, глядя на это лицо, настолько прекрасное, что казалось, будто само небо и земля меркнут перед ним, как будто луна родилась в человеческом облике, Ли Синлунь вдруг подумал, что может, и впрямь жаль прятать такое великолепие.

<http://bllate.org/book/14629/1297983>